

ПОИСК СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ отечественной школы конца XX века (на материалах Западной Сибири)

Елена Николаевна Валиева,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и философии Новосибирского государственного
архитектурно-строительного университета,
г. Новосибирск

Ситуация, сложившаяся в российской школе сегодня, достаточно противоречива. Её истоки нужно искать в последней четверти XX века, когда школа оказалась в авангарде серьёзных структурных реформ и фактически задавала их вектор. В статье рассмотрены основные направления реформирования отечественной школы конца XX века, показано её состояние в сложной ситуации социальной трансформации. Автор фокусирует внимание на соответствии ожиданий, задач и результатов этого процесса. Для реализации цели исследования используется обширная источниковая база: материалы сибирских архивов, статистических сборников и публикаций в СМИ рассматриваемого периода. Автор приходит к выводу, что в ходе реализации реформ заданный вектор отклонился от первоначальных целей. Постепенно произошло замещение базовых задач, кардинально изменились и внешние обстоятельства реформирования школы. Это и привело к клубку противоречий, который сегодня тормозит развитие отечественной школы. По сути, статья даёт возможность задуматься над тем, может ли общее образование в России стать важным ресурсом общественного развития и технологического прорыва, соответствует ли его состояние актуальным задачам государства.

- национальное образование • российское образование • российская школа
- реформа образования • школьная реформа • реформирование образования

Период отечественной истории конца XX века можно охарактеризовать как период поиска вектора развития российского общества и государства. Этот поиск заметен во всех сферах жизни общества. Интересно, ярко, а порой даже драматично он проявился в отечественном образовании — важнейшем

социальном институте. Именно реформа школы положила начало модернизации советской общественной модели, но в итоге сама система образования оказалась заложницей экономических преобразований и политических трансформаций. Нынешнее состояние российской школы — результат этого процесса. Поэтому для понимания её сегодняшних проблем, поиска их

решения представляется важным исследование реформаторского процесса середины 1980–1990-х гг., его направленности и вариативности. Школа конца XX века только начала представлять интерес для историков в качестве объекта исследования, поэтому работ по данной тематике немного. Кроме того, отличительной особенностью историографии данного вопроса является доминирование фактического материала над аналитическим. В принципе, эта черта свойственна для периода так называемого накопления знаний по новой проблематике. Применительно же к рассматриваемой теме аргументом ограниченности аналитической составляющей является также и незавершённость исследуемых процессов. Если с позиций педагогической науки можно ещё познакомиться с анализом этого непростого этапа в истории отечественного образования, то исторических публикаций, посвящённых хотя бы частично отечественной общеобразовательной школе данного периода, недостаточно. При этом особенности развития школы Западной Сибири практически не представлены в историографии [1–4]. Отдельно в историографическом экскурсе стоит выделить труды самих реформаторов, прежде всего министра образования РФ в 1991–1992 гг. Э. Днепрова [5]. Они ценны не только обилием фактического материала, но и серьёзным анализом образовательной политики на рубеже 1980–1990-х гг., однако эти работы склонны к субъективности и перекладыванию ответственности на иные органы власти и ведомства за просчёты реформ.

Данное исследование опирается на широкий спектр исторических источников. Прежде всего, это материалы архивов Западной Сибири — государственные архивы Новосибирской (ГАНО), Кемеровской (ГАКО), Томской (ГАТО) областей, а также Алтайского края. Изученные архивные материалы представлены в основном фондами областных (краевых) отделов народного образования — облоно, а впоследствии — департаментов образования, а также профсоюзов работников образования указанных субъектов Федерации. Особо стоит выделить статистические данные как общероссийские, так и региональные. Они позволили отследить количественные изменения в процессе развития общеобразовательной школы и провести соответствующий сравнительный

анализ её материально-технического и кадрового обеспечения, на основе которого были сделаны выводы об эффективности проводимых преобразований. Кроме того, использовались материалы отечественных периодических изданий — центральной и местной прессы. Важную роль в изучении вопросов социальных настроений и ожиданий относительно реформ сыграла «Учительская газета» как орган Министерства просвещения СССР и комитета профсоюза работников народного образования и науки. Газета стала своеобразным зеркалом и рупором реформаторских процессов рассматриваемого периода. Данная источниковая база позволила сохранить объективность и необходимую глубину исследования.

В развитии школы обозначенного периода можно выделить два этапа. Первый из них — советский. Отличительной чертой отечественной школы этого периода являлась жёсткая централизация. Школа была контролируема партийными, государственными и ведомственными органами различных уровней. Сверху спускались многочисленные приказы и инструкции, плановые показатели Министерств просвещения СССР и РСФСР. Финансирование было централизованным, планирование охватывало все направления работы образовательных учреждений: определялись планы экономического и социального развития учреждения, план по отпуску электроэнергии, план по труду (директора школ даже не имели полномочий принимать и увольнять работников) и т. п. При этом система образования опиралась на принципы равенства, доступности и бесплатности как в общем, так и в профессиональном образовании. К исследуемому периоду был начат переход ко всеобщему среднему образованию, проводилась большая работа по выравниваю образования во всех типах поселений. Бесплатные учебники, кружки и секции, обеспечение горячим питанием учащихся через систему школьных

столовых — перечень лишь основных социальных достижений в сфере образования этого периода. В рамках такой системы и начинается процесс поиска дальнейшего вектора развития отечественной школы.

Отправной точкой процесса стало обсуждение начавшейся в 1984 г. очередной школьной реформы. Её необходимость была обусловлена нарастанием технико-экономического отставания СССР от стран Запада. Она должна была не просто модернизировать школу, а сделать её фактором технологического обновления страны — соединить школу с новыми потребностями общественного развития. В связи с этим основными направлениями реформирования стали следующие: введение обучения с 6-летнего возраста (то есть начало перехода к 11-летнему образованию), завершение перехода к всеобщему обязательному среднему образованию, интеграция трудового обучения с производством, изменение содержания школьного образования (введение как минимум двух новых дисциплин: основы информатики и вычислительной техники, этика и психология семейной жизни), материальное стимулирование учительства. Как мы видим, реформа не предусматривала радикального обновления школы. Но атмосфера последующей перестройки развернула этот процесс, сделала его открытым, захватывающим и многослойным.

Большую роль в этом сыграл февральский Пленум ЦК КПСС (1988 г.), где с докладом «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по её осуществлению» выступил секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачёв. В результате в постановление Пленума попадает пункт о приоритетности образования в государственной политике. Реформа получает второе дыхание, но уже в новом обозначившемся векторе — демократизации. Она виделась прежде всего в реструктуризации, реорганизации Академии педагогических наук СССР, создании Советов по народному образованию и т. п. На примере школы Сибири хорошо видна

противоречивая картина влияния практически полярных процессов: насильственной «советизации» и демократизации. В том же году началась и структурная перестройка системы образования: на союзном уровне был создан Государственный комитет СССР по народному образованию, на республиканском — создаётся Министерство образования РСФСР, а на региональном — главные управления народным образованием облисполкомов.

Процессы разворачивающейся демократизации наиболее отчётливо проявились в ходе подготовки к Всероссийскому съезду учителей. Ему предшествовали областные (краевые) конференции или съезды. Ряд предложений, высказанных там, были направлены в Министерство просвещения. Съезды способствовали «созданию творческой атмосферы в педагогических коллективах» и стали толчком к поиску новых форм и методов учебно-воспитательной и руководящей работы, возрос интерес к опыту учителей-новаторов. Совокупность этих проявлений получила название общественно-педагогического подъёма. В школах Сибири он проявился особенно ярко. Предложения сибирских учителей вышли на страницы центральных СМИ, именно сибиряки стали инициаторами создания творческого союза педагогов в СССР [6]. Таким образом, школа Сибири конца 1980-х гг. находилась в ситуации творческого поиска и эксперимента. Повсеместно открывались классы с углублённым изучением предметов, внедрялись новые методики обучения, разрабатывалась работа по различным вариантам учебных планов, появлялись новые типы учебных заведений и т. д. В исследуемом регионе появились так называемые открытые выпускные экзамены, на которых присутствовали представители общественности и базовых предприятий. Например, коллектив НПО «Алтай» предложил поддержку детям, одарённым в сферах естественных и гуманитарных наук, а также в искусстве, для поощрения их дальнейшего обучения [7].

Гуманизация и дифференциация образования — принципы, рождённые в этот период. Педагогика сотрудничества набирает популярность в качестве новой методологической основы взаимодействия учителя и ученика, формирования содержательной базы образования. Широилось движение учителей-новаторов, повсеместно работали в разных формах площадки по передаче педагогического опыта, заработал клуб альтернативных школ «Эврика». Итогом широкого и открытого обсуждения стала Концепция общего среднего образования, одобренная Всесоюзным съездом работников образования в декабре 1988 г. Принципы, заявленные в ней: гуманизация, демократизация, дифференциация, открытость и другие — получают законодательное оформление в Законе РФ «Об образовании» 1992 г. и являются актуальными до сегодняшнего дня.

Большое внимание как в педагогических коллективах, так и на коллегиях облоно уделялось обсуждению вопросов финансирования школ, острых проблем сельской школы, положения учителя. Постепенно расширялись права руководителей школ, отменялось постановление о едином режиме дня в школах и т. п. Была предпринята попытка создания общественного управления в виде Советов по народному образованию, было разрешено выбирать заместителей директоров, а затем и самих директоров школ. Расширилось школьное самоуправление, появилась возможность выбирать учебный план школы. Уменьшалось число отчётов и инспекторских проверок, уходила мелочная регламентация учительского труда. По большому счёту идея демократизации образования, зародившаяся в ходе реформаторского процесса, постепенно начинает вытеснять практикоориентированные направления школьной реформы, которым уделялось внимания всё меньше и меньше.

Наряду с положительными тенденциями в реализации школьной реформы имели место и негативные явления. Несмотря на растущее количество учащихся региона, численность общеобразовательных школ постепенно уменьшалась за счёт их укрупнения. В первую очередь это коснулось сельских малокомплектных школ. Также появляется тенденция к уменьшению числа вводимых в эксплуатацию новых школ. Это приводило к увеличению количества уча-

щихся, обучающихся во вторую и третью смены, а также сдерживало переход к обучению с 6-летнего возраста. С 1990 г. для финансирования школ впервые были привлечены средства спонсоров — местных предприятий и кооперативов — на экспериментальную работу и дополнительные образовательные услуги. Несмотря на это, в том же году впервые стало ощутимым недофинансирование школ: уменьшаются объёмы централизованных поставок оборудования, учебных и наглядных пособий. Например, по состоянию на 1 ноября 1991 г. недофинансирование системы образования Томской области составило почти треть от запланированной суммы — 93 362 тыс. руб. из 329 012 тыс. [8]. Наиболее ярко это проявилось при реализации такого направления реформы, как усиление связей школы с производством. Усиление достигалось не за счёт государственного финансирования, а за счёт так называемых базовых предприятий, к которым прикреплялись школы. Большинство предприятий не были заинтересованы в таком шефстве, поэтому зачастую связь школы и производства оставалась формальной и создавала дополнительные проблемы. Таким образом, с рубежа 1980—1990-х гг. в основе отечественной государственной образовательной политики отчётливо прослеживаются уменьшающиеся возможности государства, которые не покрывают потребности школы и общества.

С переходом предприятий на хозрасчёт (с 1 января 1987 г.) ситуация с трудовым обучением осложнилась: ухудшилось снабжение школьных мастерских материалами, сократились заказы для них, обострилась проблема реализации готовой продукции. Школы вынуждены искать базы трудового обучения в ПТУ, техникумах и сворачивать рабочие места на предприятиях. Таким образом, возможности данного направления реформы достаточно быстро оказались исчерпаны, хотя примеров

положительного опыта по сближению школы с производством достаточно много, в частности, деятельность Озёрской школы, Тогучинской средней школы № 2 и др. [9, с. 144–146]. Введение основ информатики и вычислительной техники также было завязано на материальных ресурсах и в связи с этим пробуксовывало больше остальных. Многие школы так и не увидели компьютеров. Обучение этому предмету в большинстве случаев велось только в теории или с использованием логарифмических линеек.

К 1990 г. столкнулось с серьёзными проблемами и ещё одно важное направление школьной реформы — кадровое. Ведь именно оно позволяло не только реализовывать все другие, но и являлось (и является до сегодняшнего дня) важнейшим ресурсом жизнеобеспечения всей системы школьного образования. Для его решения на начальном этапе реформирования была разработана программа «Кадры: вуз — школа — вуз», по которой увеличивался приём в педагогические вузы и училища. Если в 1986 г. в Новосибирский государственный педагогический университет (НГПИ) было направлено 400 выпускников сельских школ, то в 1990 г. уже 700 [10]. Однако изменения в экономической сфере страны, связанные с постепенным переходом к рынку, не просто не решили поставленных задач, а способствовали оттоку кадров из системы образования, прежде всего в городах. На коллегии Новосибирского ГУНО в начале 1990 г. отмечалось: «В городе положение катастрофическое, не хватает 400 учителей. Большой отток в кооперативы» [11]. Уходили в первую очередь молодые учителя. Так, в 1991–1992 учебном году в Центральном районе г. Новосибирска 50 % педагогов были людьми пенсионного и предпенсионного возраста [12]. Снижение социального статуса учительства способствует зарождению в 1990 г. забастовочного движения учителей Сибири, что для истории нашей страны явление беспрецедентное.

После распада СССР, то есть с 1992 г., начинается постсоветский этап развития системы образования. Хронологически он совпал с так называемой «шоковой терапией» — резким переходом страны к рыночным механизмам. Возможности для дальнейшего реформирования школы в новых условиях практически были сведены к нулю. Вектор развития, пусть даже в изменённом виде, был сменён в этот период вектором адаптации к новой действительности, а по ряду направлений — и вектором выживания. Почти все магистральные процессы школьной реформы 1984 года были достаточно быстро свёрнуты, однако некоторые продолжали своё развитие и даже углубление. Во вторую группу можно отнести всё, что касалось управления школы и формирования учебных программ. Произошёл отход от жёсткого централизма и унификации, началось постепенное становление региональных программ развития системы образования. Этому способствовало и принятие в 1992 г. долгожданного Закона РФ «Об образовании». Именно с этого момента можно говорить о проведении региональной политики в сфере образования. Появляется семейное образование, экстернат, узаконено негосударственное образование.

Главные управления народного образования облисполкомов переименовываются в главные управления народного образования администраций областей, а позже унифицированные названия образовательных ведомств сменяются на «департамент образования», «комитет по развитию образования и науки» и т. п., что указывает на растущую децентрализацию и деунификацию. Одной из основных тенденций в этот переходный период стала тенденция к автономизации образовательных учреждений и ведомств. Каждое учреждение разрабатывало и утверждало свой устав, заключало учредительные договоры, меняло штат и структуру. Начинаются процессы лицензирования и аттестации образовательных учреждений. Создаются лицензионные комиссии, отделы лицензирования

и аттестации при местных органах власти. Это расширяло вариативность школьной системы. По сути, она стала отражать запросы формирующихся различных социальных групп: от элитного образования до коррекционного.

В каждом регионе адаптация к новым сложным условиям, переориентация с традиционных посреднических и контролирующих функций образовательных ведомств на преимущественное выживание и развитие региональных образовательных систем происходила различными темпами. В Западно-Сибирском регионе наиболее успешно удалось пройти этот сложный период Кузбассу. Немаловажную роль здесь сыграла всекузбасская забастовка учителей (1992 г.), заставившая региональные власти обратить внимание на проблемы школы и педагогов. Кемеровский областной совет народных депутатов, в отличие от других местных властей региона, не ограничился выплатами единовременных дотаций и пособий, а ввёл с 1993 г. налог на нужды образования. Параллельно с поддержкой системы образования велась разработка концепции развития образования области [13]. Такой комплексный подход позволил решить ряд серьёзных проблем в школах Кузбасса, в короткий срок сформировал положительный опыт становления региональной системы образования. Вместе с тем перекладывание ответственности с федерального центра на возможности и способности региональных властей привело к серьёзному противоречию: качество образования стало зависеть от возможностей региона. Что позволяет констатировать нарушение принципа равенства в получении образования — одного из достояний советской школы.

Несмотря на сложности переходного периода, на всём его протяжении продолжалась работа по изменению структуры и содержания образования. Школа Сибири не только пыталась выжить, но и развивалась. Быстрыми темпами шёл процесс дифференциации образования: на смену вариативным учебным планам приходят новые типы учебных заведений. Так, если на начало 1991–1992 учебного года в Западной Сибири насчитывалось 56 гимназий и 30 лицеев, то спустя два года уже 70 гимназий и 32 лицея [14, с. 68; 15, с. 65]. Шло активное становление национальных и частных школ в регионе. Большая ра-

бота проводилась по реализации регионального компонента образования. Были включены в учебный план курсы по изучению истории, географии Сибири; созданы учебные и методические пособия. Только в Кемеровской области за три года реализации программы «Национально-региональный компонент образования» было издано 83 учебно-методических пособия [16].

Дифференциация имела и обратную сторону. Появление новых курсов приводило к уменьшению часов по традиционным предметам: русскому языку и литературе, математике, физике и химии — и даже к изъятию из учебных планов целых образовательных областей. Результаты участия российских школьников в международных олимпиадах по математике и естественным наукам свидетельствуют о нарастании качественного отставания отечественного образования. Между тем эти дисциплины отнесены современным международным сообществом к разряду стратегических, то есть тех областей знания, которые способны обеспечить конкурентное преимущество страны. Началась стандартизация образования, чтобы хоть как-то сохранить единое образовательное пространство страны. Ситуацию ухудшало и закрепление на законодательном уровне бесплатности только общего образования (ст. 5 Закона РФ «Об образовании» 1992 г., ст. 43 Конституции РФ). Таким образом, завершение перехода ко всеобщему среднему образованию было приостановлено. Это привело к оттоку учащихся из средних школ в вечерние, а также учреждения начального и среднего профессионального образования. В итоге за последнее десятилетие XX в. доля лиц, имеющих среднее образование, снизилась.

В постсоветский этап материально-техническое оснащение школ резко ухудшилось. Если в советский период речь шла о расширении сети школ, то с 1993 г. задачи по этому направлению

формулируются по-другому — «сохранение и совершенствование сети образовательных учреждений» [17]. Если количество введённых в 1990 г. (одном из худших по показателям с момента начала школьной реформы в советском периоде) школ принять за 100 %, то показатели на 1992 год будут 59, а на 1998 год — 24 [18, с. 124]. Обеспечение мебелью, учебным оборудованием и пособиями было критическим. Так, по данным Алтайского краевого архива в 1995–1996 учебном году было приобретено только 2,7 % от потребности школ в учебных столах [19]. Школы испытывали нехватку мела, ветоши, не имели возможности приобрести классные журналы, не говоря о более дорогостоящем и важном для учебного процесса оборудовании. Обеспечение учащихся учебниками перекладывалось на плечи родителей. Децентрализация управления и распад СССР со сложившимися экономическими связями внесли большую путаницу в процесс методического обеспечения учебного процесса. Часть затрат на его обеспечение была переложена на родителей, которые не только покупали учебную литературу своим детям, но и зачастую учебно-методическую для школы, сдавали деньги на ремонт и мебель, гардероб и др.

Фактически оказались свёрнуты условия для профессионального обучения школьников, в прошлое ушёл общественно полезный труд. С 1993 по 1996 годы число рабочих мест для профессионального обучения и общественно полезного производительного труда учащихся сократилось, например по Новосибирской области с 23 807 до 18 177, а количество учебных цехов и участков предприятий (колхозов) за тот же период уменьшилось с 240 до 58 [20, с. 28; 21, с. 32]. Учебные мастерские и кабинеты труда из школ почти исчезли. С середины 1990-х гг. трудовое обучение как отдельное направление учебного плана было заменено на «Технологию». Практически провальной по тем же причинам оказалось и направление по введению информатики и вычислительной техники. Например, в Томской области

к 1994 г. было получено лишь четыре комплекта учебной вычислительной техники, выполненных на основе IBM [22]. К рубежу 1990-х гг. в среднем на 500 учащихся приходился один современный компьютер [23]. Однако это направление школьного образования всё же не было свёрнуто и получило второе дыхание в 2000-х гг., в отличие от первого.

Проблема кадрового обеспечения школы в Западно-Сибирском регионе, как и в целом по стране, была достаточно острой. Главная причина — низкая оплата труда. Несмотря на знаменитый указ № 1 Президента России Б. Ельцина, довести заработную плату учителей до средней заработной платы в промышленности так и не удалось. Если ещё в начале 1990-х зарплату учителей сравнивали со средней зарплатой по народному хозяйству или с зарплатой рабочих, то к середине планка была опущена до сравнения с прожиточным минимумом. Причём, несмотря на введение в октябре 1992 г. новой системы оплаты труда — Единой Тарифной Сетки (ЕТС), которая должна была по представлению реформаторов улучшить материальное положение учительства, поставленная задача не была решена: из 16 разрядов ЕТС 14 оплачивались ниже прожиточного минимума. Другие средства поддержки педагогов: льготы на коммунальные услуги, уголь для сельских учителей и т. п. — также оказались свёрнуты или предоставлялись не в полном объёме. Следствием этого является тот факт, что длительное время педагоги Кузбасса, как и шахтёры, составляли авангард рабочего движения не только в Сибирском регионе, но и в стране в целом. Формы протестной активности были разнообразны: от судебных исков и открытых обращений до голодовок и забастовок.

Именно региональные власти способствовали некоторому улучшению положения в сфере образования, зачастую опережая федеральные. Ситуация осложнялась задержками (с апреля 1992 г.) выплаты

зарплат. Задержки доходили до 9 месяцев. В протестное движение в разных формах к середине 1990-х гг. были втянуты все области и края Западной Сибири. Совокупность рассмотренных факторов привела к усилению оттока учителей из города и в другие отрасли. Не восполнялся он ни за счёт вынужденных переселенцев, ни за счёт выпускников. В качестве иллюстрации можно привести пример с кадровым обеспечением Новосибирска, где не велись уроки по различным предметам в 115 школах, то есть практически во всех [24]. «Старение кадров», снижение числа педагогов и руководителей с высшим образованием — иные следствия недофинансирования школы. Стоит выделить и такое последствие, как усиление феминизации школы. Социальный статус учительства резко снизился с началом проведения радикальных экономических реформ. Поэтому обеспечить не только совершенствование общего образования, но и поддерживать его существующий уровень было просто некому.

Нарастание негативных процессов по мере реформирования школы приводит к резкому сужению базы реформы. Так, исследования Института социологии РАН конца 1990-х гг. показали, что если в 1993 г. 15,8 % населения РФ были обеспокоены кризисным состоянием общего образования, то к 1995 г. эта цифра выросла до 56,4 % [25, с. 52]. То есть модернизация школы в рамках её нового вектора оказалась оторванной от потребностей общества и проводилась в разрез с общественным заказом.

По большому счёту реформирование школы продолжается, и анализ результатов проведённых мероприятий только начинает оцениваться объективно. Если на рубеже тысячелетий, как правило, оценки были категоричными: от положительных, звучащих от реформаторов, до крайне отрицательных, высказываемых в том числе представителями Академии педагогических наук. В принципе, эти оценки можно свести к проблеме, являются ли данные преобразования реформой или антиреформой, хотя участники дискуссии 1990-х гг. редко использовали такую постановку вопроса. Сегодня, когда направление вектора, несмотря на его колебания, всё же видно более отчётливо, можно говорить

о разрушении советской классической модели образования в целом. Если в 1990-е гг. этот процесс сдерживали учителя, выросшие в условиях старой системы и являющиеся её носителями, то смена кадрового состава во втором десятилетии XXI в. ускоряет формирование школьной либеральной модели, очень похожей на образовательную систему США. А это одна из самых слабых моделей образования в развитых странах, что признаёт даже американская политическая элита [26, с. 78–79]. Но может ли такая школа решить поставленную ещё в 1984 г. задачу технологического прорыва страны?

Подводя итоги анализа государственной политики в отношении общеобразовательной школы изучаемого периода, можно отметить следующее.

Начавшаяся в рамках советской школьной модели реформа 1984 года отвечала в целом общественному заказу и, несмотря на то, что была начата «сверху», была поддержана учительством и обществом. В процессе её реализации начинается радикализация реформаторских процессов, выдвинувшая на первый план идею демократизации. Действительно, на протяжении советского этапа общеобразовательная школа развивалась на основе единых, общесоюзных установок и решений, централизованного финансирования и обеспечения, и лишь с 1992 г. можно говорить о становлении региональной политики в сфере образования, которая формировалась и проводилась в совершенно других экономических и политических условиях. Несмотря на сложность ситуации в сфере образования в середине 1980-х гг. — первых годах реализации, можно утверждать, что это был один из самых успешных периодов в развитии отечественной школы, характерной чертой которого стал общественно-педагогический подъём.

Основной тенденцией в управлении школой стал переход от жёсткого ведомственного, государственного и партийного руководства к демократизации управленческих структур, уменьшению роли государства в образовательной сфере. Это привело, с одной стороны, к раскрепощению школы, но, с другой — не сделало её финансово независимой. Роль местных властей возросла, но в сфере образования их возможности были ограничены. Из всех регионов Западной Сибири только в Кемеровской области реально смогли увеличить зарплату педагогам, но добиться уравнивания зарплат в сфере образования и промышленности так и не удалось. Страна оказалась под угрозой распада образовательного пространства, нарастало неравенство в получении качественного образования в зависимости от региона, началось снижение образовательного уровня населения.

Задачи, поставленные в ходе реформы школы как определяющие вектор развития, так и не были выполнены: не произошло реального сближения школы с производством, компьютеризация системы образования так и не была завершена, не произошло качественного улучшения материально-технической базы школ. Вектор модернизации был заменён на вектор борьбы с советским прошлым, а затем на адаптацию к новым историческим

условиям. По большинству параметров, наоборот, произошло ухудшение, в том числе и в кадровом обеспечении школы. Социальный статус учительства на протяжении всего рассматриваемого периода продолжал снижаться. Это привело к тому, что социальное движение учителей в 1990-х гг. оставалось одним из самых значимых, особенно в Западной Сибири (Кузбасс, Алтайский край). Даже базовые принципы образования — доступность, бесплатность, равенство — подверглись деформации. Образование постепенно превращалось в сферу услуг, причём часть средств по его содержанию перекладывалась с государства на общество, нарастало социальное напряжение. Статус самой школы как социального института резко упал. Социальная база школьной реформы стремительно сужалась, постепенно смягчался и радикализм реформаторов. Но школа смогла не только выжить в серьёзной экономической и политической ситуации 1990-х гг., но и развиваться содержательно. Появились новые формы основного образования, различные типы школ: гимназии, лицеи, школы-комплексы и т. п. Негосударственные образовательные учреждения становятся частью российской системы образования. **НО**

Список использованных источников

1. Костюченко, И. Ю. Народное образование в СССР и Российской Федерации в 1950–1990-е годы XX века: теория и практика реформирования / И. Ю. Костюченко. М., 2008. 241 с.
2. Штурба, В. А. Разработка государственной политики в области народного образования и её реализация в Российской Федерации в 1960–1990-е гг. (на материалах Юга России): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: дис. ... докт. пед. наук / Штурба Виктор Александрович; Краснодарский юридический институт Министерства внутренних дел. Краснодар, 2000. 502 с.
3. Тарасова, С. В. Исторический опыт разработки и реализации проектов реформирования системы образования Российской Федерации в 1984–2004 гг. / С. В. Тарасова. М., 2003. — 377 с.
4. Астафьев, Д. А. Общеобразовательная школа Южного Урала в 1980–1990-е гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: дис. ... канд. ист. наук / Астафьев Дмитрий Александрович; Оренбургский государственный университет. Оренбург, 2007. 234 с.
5. Днепров, Э. Д. Современная школьная реформа в России / Э. Д. Днепров. М.: Наука, 1998. 463 с.
6. Нужен творческий союз // Учительская газета. 1986. 29 дек.
7. Архив комитета администрации Алтайского края по образованию. Ф. Р-573. Оп. 5. Д. 2418. Л. 55.
8. ГАТО. Ф. Р-1158. Оп. 9. Д. 1609. Л. 150.
9. Валиева, Е. Н. Общеобразовательная школа в период общественных трансформаций 1984–1996 гг. (на материалах Западной Сибири): монография / Е. Н. Валиева. Новосибирск: Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин), 2014.

10. ГАНО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 4793. Л. 322.
11. ГАНО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 4802. Л. 5.
12. ГАНО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 5146. Л. 94.
13. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 16. Д. 70. Л. 42.
14. Образование в РФ в 1992 году: стат. сборник / Гос. комитет Рос. Федер. по статистике. М., 1993. 314 с.
15. Образование в Российской Федерации. М., 1995. 278 с.
16. Панина, Т. С. Региональный компонент в учебно-воспитательном процессе образовательных учреждений как один из путей реализации комплексной программы «Развитие образования в Кузбассе» / Т. С. Панина // Социально-педагогические аспекты формирования культуры личности в условиях Кузбасского региона: материалы научно-практической конференции / Департамент образ. администр.; ОблИИУ; под ред. В. А. Поповой, Т. С. Паниной. Кемерово, 1997. 390 с.
17. ГАНО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 4533. Л. 16.
18. Динамика и структура сферы образования в России в 90-е годы / О. Н. Болдов, В. Н. Иванов, А. В. Суворов, Т. К. Широкова // Проблемы прогнозирования. 2002. № 4.
19. Архив комитета администрации Алтайского края по образованию. Ф. Р-573. Оп. 5. Д. 2131. Л. 102.
20. Народное образование в Новосибирской области: (по перечню 7.7) / Новосиб. упр. статистики. Новосибирск, 1993. 41 с.
21. Образование в Новосибирской области: по перечню 7.5 / Новосиб. обл. ком. гос. статистики. Новосибирск, 1996. 50 с.
22. Архив департамента образования Томской области. Ф. 1158. Оп. 9. Д. 1688. Л. 51.
23. Развитие единой образовательной информационной среды на 2001–2005 гг. (Проект Федеральной программы) // Народное образование. 2001. № 1.
24. ГАНО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 5558. Л. 13–14.
25. Копытов, А. Д. Проблемы развития образования в рыночных отношениях: теория и практика. На материале Сибирского региона / А. Д. Копытов, В. Н. Турченко. Томск, 1998. 236 с.
26. Бжезинский, З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. М: АСТ, 2015. 288 с.

Search For A Strategy For The Development Of The National School Of The Late Twentieth Century (Based On The Materials Of Western Siberia)

Elena N. Valieva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, Novosibirsk

Abstract: *The situation in the Russian school today is quite contradictory. Its origins should be sought in the last quarter of the XX century, when the school was at the forefront of serious structural reforms and actually set their vector. The article considers the main directions of reforming the national school of the late XX century, shows its state in a difficult situation of social transformation. The author focuses on the compliance of expectations, tasks and results of this process. To realize the purpose of the study, an extensive source base is used: materials from Siberian archives, statistical collections and publications in the media of the period under review. The author comes to the conclusion that during the implementation of the reforms, the given vector deviated from the original goals. Gradually, there was a replacement of the basic tasks, and the external circumstances of the school reform have changed dramatically. This has led to a tangle of contradictions, which today slows down the development of the national school. In fact, the article gives an opportunity to think about whether general education in Russia can become an important resource for social development and technological breakthrough, whether its state corresponds to the actual tasks of the state.*

Keywords: *national education, Russian education, Russian school, education reform, school reform, education reform.*

References

1. Kostyuchenko, I. Yu. Narodnoe obrazovanie v SSSR i Rossijskoj Federacii v1950–1990-e gody XX veka: teoriya i praktika reformirovaniya / I. Yu. Kostyuchenko. M., 2008. 241 s.
2. Shturba, V. A. Razrabotka gosudarstvennoj politiki v oblasti narodnogo obrazovaniya i ee realizaciya v Rossijskoj Federacii v 1960–1990-e gg. (na materialah Yuga Rossii): special'nost' 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: dis. ... dokt. ped. nauk / Shturba Viktor Aleksandrovich; Krasnodarskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del. Krasnodar, 2000. 502 s.

3. *Tarasova, S. V.* Istoricheskij opyt razrabotki i realizacii proektov reformirovaniya sistemy obrazovaniya Rossijskoj Federacii v 1984–2004 gg. / S. V. Tarasova. M., 2003. — 377 s.
4. *Astaf'ev, D. A.* Obshcheobrazovatel'naya shkola YUzhnogo Urala v 1980–1990-e gg.: special'nost' 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: dis.... kand. ist. nauk / Astaf'ev Dmitrij Aleksandrovich; Orenburgskij gosudarstvennyj universitet. Orenburg, 2007. 234 s.
5. *Dneprov, E. D.* Sovremennaya shkol'naya reforma v Rossii / E. D. Dneprov. M.: Nauka, 1998. 463 s.
6. Nuzhen tvorcheskij soyuz // Uchitel'skaya gazeta. 1986. 29 dek.
7. Arhiv komiteta administracii Altajskogo kraja po obrazovaniyu. F. R-573. Op. 5. D. 2418. L. 55.
8. GATO. F. R-1158. Op. 9. D. 1609. L. 150.
9. *Valieva, E. N.* Obshcheobrazovatel'naya shkola v period obshchestvennyh transformacij 1984–1996 gg. (na materialah Zapadnoj Sibiri): monografiya / E. N. Valieva. Novosibirsk: Novosib. gos. arhitektur.-stroit. un-t (Sibstrin), 2014.
10. GANO. F. 1366. Op. 1. D. 4793. L. 322.
11. GANO. F. 1366. Op. 1. D. 4802. L. 5.
12. GANO. F. 1366. Op. 1. D. 5146. L. 94.
13. GAKO. F. R-790. Op. 16. D. 70. L. 42.
14. Obrazovanie v RF v 1992 godu: stat. sbornik / Gos. komitet Ros. Feder. po statistike. M., 1993. 314 s.
15. Obrazovanie v Rossijskoj Federacii. M., 1995. 278 s.
16. *Panina, T. S.* Regional'nyj komponent v uchebno-vospitatel'nom processe obrazovatel'nyh uchrezhdenij kak odin iz putej realizacii kompleksnoj programmy «Razvitie obrazovaniya v Kuzbasse» / T. S. Panina // Social'no-pedagogicheskie aspekty formirovaniya kul'tury lichnosti v usloviyah Kuzbasskogo regiona: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii / Departament obraz. administr.; ObllIU; pod red. V. A. Popovoj, T. S. Paninoj. Kemerovo, 1997. 390 s.
17. GANO. F. 1366. Op. 1. D. 4533. L. 16.
18. Dinamika i struktura sfery obrazovaniya v Rossii v 90-e gody / O. N. Boldov, V. N. Ivanov, A. V. Suvorov, T. K. Shirokova // Problemy prognozirovaniya. 2002. № 4.
19. Arhiv komiteta administracii Altajskogo kraja po obrazovaniyu. F. R-573. Op. 5. D. 2131. L. 102.
20. Narodnoe obrazovanie v Novosibirskoj oblasti: (po perechnyu 7.7) / Novosib. upr. statistiki. Novosibirsk, 1993. 41 s.
21. Obrazovanie v Novosibirskoj oblasti: po perechnyu 7.5 / Novosib. obl. kom. gos. statistiki. Novosibirsk, 1996. 50 s.
22. Arhiv departamenta obrazovaniya Tomskoj oblasti. F. 1158. Op. 9. D. 1688. L. 51.
23. Razvitie edinoj obrazovatel'noj informacionnoj sredy na 2001–2005 gg. (Proekt Federal'noj programmy) // Narodnoe obrazovanie. 2001. № 1.
24. GANO. F. 1366. Op. 1. D. 5558. L. 13–14.
25. *Kopytov, A. D.* Problemy razvitiya obrazovaniya v rynochnyh otnosheniyah: teoriya i praktika. Na materiale Sibirskogo regiona / A. D. Kopytov, V. N. Turchenko. Tomsk, 1998. 236 s.
26. *Bzhezinskij, Z.* Strategicheskij vzglyad: Amerika i global'nyj krizis / Z. Bzhezinskij. M: AST, 2015. 288 s.